

ЦИФРОВАЯ АНТРОПОЛОГИЯ: УСТАНОВКИ И ПРИНЦИПЫ

Ю. Ю. ГАФАРОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Рассматриваются установки и принципы новой сферы антропологического знания – цифровой антропологии. Эта сфера изучает распространение глобальных информационных и коммуникационных технологий в самых различных социальных и культурных полях не как технологический, социально нейтральный акт, а как изменение способов коммуникации во всем мире. Цифровая антропология сохраняет преемственность установок и принципов культурного анализа, утверждая при этом, что цифровизация не сделала человека менее человечным и не лишила культуру ее сущности.

Ключевые слова: цифровая антропология; цифровая культура; социокультурная антропология; интерпретативная антропология; универсализм; холизм; адаптация; интеграция; культурный релятивизм.

Благодарность. Исследование проводилось при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований в рамках выполнения научного проекта «Мобильные технологии в цифровой трансформации повседневности Республики Беларусь» (грант № Г20-056).

DIGITAL ANTHROPOLOGY: ATTITUDES AND PRINCIPLES

J. J. GAFAROVA^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The paper considers the attitudes and principles of a new field of anthropological knowledge – digital anthropology. Digital anthropology is focused on seeing the spread of global information and communication technologies in a wide variety of social and cultural fields not as a purely technological, socially neutral act, but as a change in the ways of communication around the world. Digital anthropology preserves the continuity of attitudes and principles of cultural analysis, arguing that digitalisation has not made a person less human, and culture has not deprived it of its essence.

Keywords: digital anthropology; digital culture; social and cultural anthropology; interpretive anthropology; universalism; holism; adaptation; integration; cultural relativism.

Acknowledgements. The study was conducted with the financial support of the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research in the framework of the scientific project «Mobile technologies in the digital transformation of the everyday life in the Republic of Belarus» (grant No. Г20-056).

Введение

Цифровая антропология – новая область антропологического знания, предметом которой являются социокультурные трансформации, связанные с распространением цифровых технологий. Рассматривая цифровые системы и виртуальные миры как культурные артефакты, антропологи исследуют их

Образец цитирования:

Гафарова Ю.Ю. Цифровая антропология: установки и принципы. *Человек в социокультурном измерении*. 2022;2:10–14.

For citation:

Gafarova JJ. Digital anthropology: attitudes and principles. *Human in the Socio-Cultural Dimension*. 2022;2:10–14. Russian.

Автор:

Юлия Юрьевна Гафарова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук.

Author:

Julia J. Gafarova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of social communication, faculty of philosophy and social sciences.
julia.j.gafarova@gmail.com

в широком социальном контексте, выявляют противоречия и сложности их функционирования. Кроме того, в рамках цифровой антропологии делается акцент на динамичном характере всех современных региональных, национальных и локальных культур и эксплицируется специфика их изменений под влиянием цифровизации.

Антропологи изучают, как цифровые технологии создают человеческую культуру и общество и как сами формируются ими, опираясь на конструктивистские, холистические и релятивистские установки антропологического знания.

Основные принципы антропологического знания

Антропология – особое знание о человеке, нацеленное на изучение всего спектра человеческого развития и поведения, достижение максимально полного описания биологических, культурных и социальных особенностей человека, выявление многообразия современных идентичностей, способов коммуникации, исторического и социального контекстов.

Антропологию интересуют частности человеческого бытия в обрамлении целого. Она отличается от таких изучающих человека областей знания, как гуманитарные и социальные, занимающиеся случаями надбиологического бытия личности, и естественные, обращенные к закономерностям отдельных аспектов человеческого существования. Антропологи, исследуя весь спектр человеческого поведения и развития, стремятся достичь полного описания биологических, культурных и социальных явлений. Специфика антропологии определяется целостным подходом к человеку как к биосоциальному существу, а также историческим и компаративным (сравнительным) изучением мировых обществ и культур. Таким образом, антропологи исследуют биологическое и культурное прошлое человека, сравнивают между собой существующие общества.

Теоретическая антропология разделена на две главные ветви – физическую (биологическую), возникшую в конце XVIII в., и социокультурную, которая стала развиваться в конце XIX в.

Специалисты по физической антропологии постулируют три фундаментальных положения антропологического знания – принципы холизма, универсализма и адаптации.

Принцип холизма основан на подходе к человеку как к биосоциальному существу; принцип универсализма – на представлении о том, что все ныне живущие люди принадлежат к одному биологическому роду, виду и подвиду (*homo sapiens sapiens*); принцип адаптации – на положении о том, что человек, как и все другие живые существа, зависит от окружающей среды и приспосабливается к ней в целях самосохранения и выживания.

На протяжении длительного времени дискурс социокультурной антропологии существовал как дискурс самоопределения Запада по отношению к Другому. Занимаясь с конца XIX в. сравнительными исследованиями незападных обществ и культур, социальные и культурные антропологи освоили и включили в собственные субдисциплины принципы физической антропологии, а также обосновали и популяризировали гуманистические положения интеграции и культурного релятивизма.

Принцип холизма интерпретируется в рамках социокультурной антропологии как необходимость учета человеческой биосоциальности в исследованиях культуры; принцип универсализма – как утверждение о равенстве всех людей, независимо от их расовой и этнической принадлежности; принцип интеграции формулируется как положение о том, что все аспекты социокультурной жизни человека взаимодействуют между собой и что необходимо исследовать всю ткань человеческой жизни в совокупности; принцип адаптации дополняется представлением о том, что приспособление человека имеет биосоциальный характер, а социальная самоорганизация людей является частью адаптивной стратегии.

Чрезвычайно значимым для антропологического знания становится принцип культурного релятивизма (относительности), основанный на утверждении о том, что каждая культура является ценностью сама по себе, а поведение конкретного человека необходимо рассматривать с точки зрения традиции, в рамках которой он прошел социализацию. Согласно этому принципу социокультурная антропология изначально нацелена на расширение границ человеческого дискурса. Она апеллирует как к богатейшему эмпирическому знанию о различных культурах, так и к методам функционального, структурного и компаративного анализа культурного многообразия. Антропологические исследования полезны в выявлении глубинных смыслов и скрытых предпосылок собственной культуры исследователей.

Установки интерпретативной антропологии

Ситуация глобализации второй половины XX в. обостряет не только проблему понимания и истолкования своей и чужой культуры, но и вопросы самостоятельного определения культурных приоритетов, выбора между разными культурными проектами. Становятся востребованными гуманитарные

практики, которые могут предоставлять техники анализа и критерии рациональной оценки различных смыслообразующих доминант культуры, ее ценностных ориентиров и поведенческих норм.

Формирование такого рода практик в культурной антропологии происходит благодаря знаменательной тенденции к конвергенции с теоретическими установками и методами герменевтического анализа. Одним из пионеров подобного синтеза является известный американский антрополог К. Гирц. Его концепция интерпретативной антропологии стала революционной для антропологических исследований XX в. Он пришел к выводу, что специфика изучения чужих культур заключается не столько в умении собирать полевые материалы, устанавливать контакты с информантами, вести дневники, сколько в некоем интеллектуальном интерпретативном усилии, которое необходимо приложить для того, чтобы создать «насыщенное описание»¹ (*thick description*) культуры [1, p. 5–6]. Следовательно, в описании культурных феноменов в интерпретативной антропологии на первом плане стоит задача их истолкования.

В основе данного подхода лежит так называемая гирцева концепция культуры, понимаемой как сеть смыслов, опутывающих человека и имеющих символический характер. Таким образом, все события культуры являются манифестациями более глубоких паттернов. Анализировать культуру должна не экспериментальная наука, выявляющая законы ее функционирования, а интерпретативное знание, которое ищет смыслы и значения. Доказывая, что отправной точкой понимающих подходов является выявление смысла культурных репрезентаций, К. Гирц сравнил изучение культуры с чтением текста или манускрипта. В обоих случаях важными процедурами оказываются воссоздание ощущения данной ситуации и определение места интерпретатора.

Рассматривая манифестации носителей культуры в качестве истолкования глубинных культурных смыслов, а исследовательское описание культуры как интерпретацию второго уровня, антропологи ставят задачу корреляции понятий, фиксируемых опыт чужой культуры, и теоретических конструкторов, с помощью которых наблюдатели анализируют общие черты социальной жизни. Стремясь понять не только специфику изучаемой культуры, но и установки исследователя, определенные его культурой, К. Гирц и его последователи использовали понятийный аппарат и процедуры современной герменевтики.

Интерпретативный подход рассматривается К. Гирцем как определенная практика истолкования результатов исследования. Знание о культуре – это не только отражение исследователем другой культуры, но и взаимодействие ценностных установок исследователя и чужой культуры. Он должен искать адекватные стратегии передачи личного опыта понимания другой культуры. Антропологический подход в этом смысле становится попыткой проникновения в чужие культуру и рациональность. Задачей исследователя является скорее истолкование заключенных в иной культуре представлений, смыслов, значений, чем создание законченной теории, формулирование социальных законов.

Идеи К. Гирца, относящиеся к насыщенному описанию как к методологии интерпретации данных, оказываются востребованными в понимании изменений современного общества, связанных с процессом цифровизации. Антропология, вооружая исследователя моделью истолкования данных, может оказать большую помощь в раскодировании повседневной жизни трансформирующегося общества, обнаружении неявных социальных взаимодействий его членов, их неформальных отношений и культурных практик, скрытых от глаз внешних наблюдателей.

Цифровая антропология: основные установки и принципы

Принципы и основные подходы социокультурной антропологии XX в. получают свое развитие в цифровой антропологии, формирование которой начинается на рубеже столетий, когда цифровые технологии становятся неотъемлемой частью повседневности. Онлайн и офлайн переплетаются в обыденной жизни. Использование интернета становится признанным способом присутствия в мире. Больше число людей в различных глобальных регионах живут в медиамирах. Они работают, покупают товары и услуги, проводят досуг, учатся, получают информацию о политических процессах и религиозных трансформациях в результате интенсивного использования цифровых технологий.

Все это приводит к изменению соотношения способов создания и потребления культурных артефактов и возникновению так называемой цифровой культуры. Интерактивные пользователи, одновременно являющиеся производителями (просьюмерами), переходят от отстраненного наблюдения за культурным продуктом и его интерпретации к иммерсии, глубокому погружению, вторжению в контент открытых медиа. Кроме того, цифровые технологии изменяют характер связи между объектами, пространством и временем [2]. Становится возможно не только легко модифицировать объекты, но и повторно контекстуализировать их, а объекты из разных исторических и пространственных контекстов объединять для создания принципиально новых ансамблей. Однако исследователи отмечают, что

¹Здесь и далее перевод наш. – Ю. Г.

цифровую культуру (при всей ее принципиальной новизне) нельзя рассматривать в отрыве от культуры нецифровой. С одной стороны, как упоминал Ч. Гир в программной монографии «Цифровая культура», цифровые технологии получают свое развитие благодаря установкам капитализма, связанным с общей логикой производства необходимой информации и рационального расчета, а также благодаря политическим и культурным дискурсам модерна. С другой стороны, в определенной степени вся современная культура становится «настолько цифровой» [3, р. 7], что сам термин может оказаться тавтологическим.

Изучением специфики этой новой реальности занимается цифровая антропология, которая складывается на пересечении двух основных исследовательских направлений – наблюдения за цифровой повседневностью и изучения новых цифровых миров.

Первое направление цифровой антропологии ориентировано на выявление влияния цифровых технологий на повседневную жизнь. В ситуации, когда присутствие онлайн и использование мобильных технологий стали обыденностью не только для молодых людей, но и для представителей других поколений, не только для населения Запада, но и для жителей Восточной и Южной Азии, Латинской Америки и Африки, антропологи обращаются к проблемам сходства и различия воздействия цифровых коммуникационных технологий на новые характеристики общения, проведение досуга и обучение людей различных возрастов [4], трансформацию отношений внутри расширенных семей [5] и изменение традиционных ценностей и норм различных этнических групп [6].

В рамках второго направления развития цифровой антропологии – исследования новых цифровых миров – выявляется как специфика картины мира, ценностных и символических систем членов онлайн-сообществ, так и взаимосвязь формирования их идентичности и особенностей использования цифровых платформ. Первые работы С. Уилсона и Л. Петерсона [7], Т. Бёльшторфа [8], Г. Коулман [9], Дж. Баррелл [10], П. Ланге [11] посвящены анализу виртуальных онлайн-миров, игровых и неигровых сред.

Исследовательская группа под руководством пионера в области цифровой антропологии Д. Миллера [12] в определении специфики контекста формирования новой области антропологического знания выделяет следующие установки:

- установка на то, чтобы рассматривать медиа не столько как платформы, сколько как контент, который размещается на этих платформах;
- установка на то, что этот контент имеет региональные особенности;
- установка на то, что социальные медиа представляют собой нечто большее, чем средства коммуникации, т. е. место, где живет современный человек; что на различных платформах происходит не только общение, но и социализация.

Опираясь на эти цели, группа Д. Миллера сформулировала три основные теории, базируясь на которых можно развивать идеи цифровой антропологии. Теория масштабируемой социальности направлена на то, чтобы продемонстрировать, как социальные сети, находящиеся между частным и общественным, колонизировали пространство групповой социальности. При этом сами социальные сети создают шкалы, определяющие размер группы и степень ее приватности. Теория полимедии показывает, что анализировать специфику какой-либо платформы в отрыве от других невозможно, и ориентирует на рассмотрение всех платформ и медиа относительно друг друга, поскольку во всем мире пользователи применяют весь диапазон доступных возможностей в целях выбора конкретных платформ или медиа для определенных видов взаимодействия; на признание социальных медиа неотъемлемой частью повседневной жизни и отказ от понятия виртуального, с помощью которого интернет-пространство выделяется в качестве особого мира. Коммуникация в социальных сетях является такой же частью повседневности, как телефонный разговор, представляющий собой часть офлайн-жизни, а не отдельную сферу. Теория достижения противостоит идее о том, что с помощью новых цифровых технологий пользователи либо утратили какой-то существенный элемент человеческого бытия, либо стали постчеловеческими. По Д. Миллеру, пользователи просто получили новый набор возможностей, которые, подобно навыкам вождения автомобиля, они используют в своей повседневной жизни.

Основываясь на этих установках и теориях, Д. Миллер выдвигал шесть основных принципов цифровой антропологии [13].

Первый принцип, опирающийся на идеи универсализма и культурного релятивизма, заключается в том, что цифровое само по себе усиливает двойственную природу культуры. Термин «цифровой» определяется Д. Миллером «как все то, что может быть в конечном счете сведено к двоичному коду» [13], но при этом приводит и к дальнейшему нарастанию особенностей и различий культуры, и к росту ее универсальности. Двойственность относится к положительным и отрицательным эффектам такого напряжения между универсальным и специфическим.

Во втором принципе, опирающемся на теорию достижения, излагается, что развитие цифровых технологий не только не меняет специфики человеческой культуры, но и, напротив, «обнажает рамочную природу аналоговой или доцифровой жизни как культуры» [13]. Д. Миллер говорил, что цифровая антропология потерпит неудачу, если станет жертвой романтизированного дискурса, утверждающего большую аутентичность доцифровой реальности.

Приверженность холизму, основе антропологических взглядов на человечество, отличает третий принцип. В то время как другие дисциплины в качестве своего предмета отдают приоритет коллективам, разуму, индивидуумам и другим «фрагментам» жизни личности, антропологи сосредотачиваются на проживании человеком жизни как таковой во всех ее аспектах. Следовательно, антропологические подходы к цифровому фокусируются, с одной стороны, на мире, конституированном в рамках конкретного проекта, с другой стороны, на широком человеческом мире, который одновременно воздействует на эти рамки и выходит за их пределы.

Четвертый принцип вновь подтверждает важность культурного релятивизма и глобальный характер «встречи с цифровым» [13]. Опираясь на теорию масштабируемой социальности, Д. Миллер отрицал предположение о том, что цифровизация гомогенизирует человеческую культуру, и подчеркивает, что именно цифровизация дает возможность быть услышанными и делает видимыми тех, кто находится на периферии.

Пятый принцип еще раз обращает исследователей к двойственности цифровой культуры с точки зрения одновременного возрастания ее открытости и замкнутости, проявляющихся в различных сферах – от политической сферы до сферы приватной жизни.

В шестом принципе, опирающемся на теорию полимедии, подчеркивается материальность цифровых миров, которые не более и не менее материальны, чем предшествующие миры. Цифровая культура, как и вся материальная культура, – это больше, чем субстрат. Она становится составной частью того, что делает людей людьми.

Заключение

Цифровая антропология формируется как дисциплина, которая рассматривает распространение глобальных информационных и коммуникационных технологий в самых различных социальных и культурных полях не как чисто технологический, социально нейтральный акт, но как изменение способов коммуникации во всем мире. При этом цифровая антропология сохраняет преемственность подходов и методов культурного анализа. Она, как специальная область знания опирается на установки и принципы, сформированные предшествующей традицией антропологических исследований, утверждая при этом, что цифровизация не сделала человека менее человеческим, а культуру не лишила ее сущности. Напротив, люди остались биосоциальными существами в цифровом мире, а цифровые технологии предоставляют антропологии новые возможности, которые могут помочь понять, что значит быть человеком. Цифровизация выявляет и специфику культуры – ее одновременную универсальность и специфичность, гомогенность и гетерогенность, замкнутость и открытость.

References

1. Geertz C. *The interpretation of cultures*. New York: Basic; 1973. 478 p.
2. Miller V. *Understanding digital culture*. Thousand Oaks: Sage; 2011. 164 p.
3. Gere Ch. *Digital culture*. London: Reaktion Books; 2008. 248 p.
4. Ito M, Baumer S, Bittanti M, Boyd D, Cody R, Stephenson BH, et al. *Hanging out, messing around, and geeking out: kids living and learning with new media*. Cambridge: MIT Press; 2013. 419 p.
5. Madianou M, Miller D. *Migration and new media: transnational families and polymedia*. London: Routledge; 2012. 175 p.
6. Tenhunen S. *A Village goes mobile*. Oxford: University Press; 2018. 200 p.
7. Wilson S, Peterson LC. The anthropology of online communities. *Annual Review of Anthropology*. 2002;31(1):449–467.
8. Boellstorff T. *Coming of age in second life: an anthropologist explores the virtually human*. Princeton: University Press; 2008. 328 p.
9. Coleman G. *Coding freedom: the ethics and aesthetics of hacking*. Princeton: University Press; 2012. 272 p.
10. Burrell J. *Invisible users: youth in the internet cafés of urban Ghana*. Cambridge: MIT Press; 2012. 248 p.
11. Lange P. *Kids on YouTube*. Walnut Creek: Left Coast Press; 2014. 272 p.
12. Miller D, Costa E, Haynes N, McDonald T, Nicolescu R, Sinanan J, et al. *How the world changed social media*. London: UCL Press; 2016. 288 p.
13. Miller D, Horst H. *The digital and the human: a prospectus for digital anthropology* [Internet; cited 2022 February 30]. Available from: <https://www.ucl.ac.uk/anthropology/people/academic-and-teaching-staff/daniel-miller/digital-and-human-prospectus-digital-anthropology-1>.

Статья поступила в редколлегию 16.05.2022.
Received by editorial board 16.05.2022.